

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 111

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ИГУМНОВ
(1761—1834)

В течение XIX в. и половины XX в. труды русских ученых занимали первое место в исследованиях языка, литературы и истории Монголии. Однако среди монголоведов были и незаслуженно забытые. К ним принадлежит А. В. Игумнов.

Его работы и краткие сведения о нем были опубликованы в журналах «Казанские известия» (1816), «Вестник Европы» (1822), «Сибирский вестник» (1828), «Московский телеграф» (1828—1829). Очерк жизни и деятельности А. В. Игумнова был помещен в журнале «Сын отечества и Северный архив» (1838)¹. Затем в течение многих лет появлялись только статьи справочного характера², в которых кратко излагались сведения, имевшиеся в работе Н. Щукина. То же следует сказать и о несколько более подробной статье, помещенной в «Русском биографическом словаре»³. Большой интерес представляют некоторые сообщения об А. В. Игумнове, имеющиеся в двухтомном труде В. Вагина⁴, а также в статье П. П. Баснина⁵.

¹ Н. Щукин, *Александр Васильевич Игумнов*, — «Сын отечества и Северный архив», т. II, СПб., 1838, отд. III, стр. 84—96 (далее — Н. Щукин). — Эта статья под тем же заглавием была перепечатана в сборнике «Русские люди», СПб., 1866, II, стр. 93—103.

² Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 89, 90, 94; «Игумнов (Александр Васильевич)», — «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XII, СПб., 1897, стр. 794; «Игумнов, Александр Васильевич», — «Новый энциклопедический словарь» тех же издателей, т. XIX, СПб., [б. г.], стр. 38.

³ «Игумнов Александр Васильевич», — «Русский биографический словарь», т. Ибак-Ключарев, СПб., 1897, стр. 62—63 (далее — «Биографический словарь»).

⁴ В. В. Вагин, *Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1821 год*, т. I—II, СПб., 1872 (далее — В. Вагин).

⁵ П. П. Баснин, *Из прошлого Сибири. (Мучители и мученики)*, — «Исторический вестник», СПб., 1902, XI, стр. 555—557 (далее — П. Баснин).

В работах, вышедших в свет после 1917 г., упоминания об А. В. Игумнове встречаются чаще⁶. Хотя они имеют самый общий характер, некоторые из них содержат интересные сведения и замечания об А. В. Игумнове.

В настоящей статье автор пытается более полно показать разнообразную и плодотворную жизнь и деятельность А. В. Игумнова. При написании этой статьи были использованы указанная выше литература, а также различные материалы Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, среди которых имеются подлинники работ А. В. Игумнова. Большая часть их оставалась неизвестной. В настоящее время они были обнаружены автором этой статьи и в выдержках приводятся ниже.

Биография А. В. Игумнова

Александр Васильевич Игумнов родился в 1761 г.⁷ в Кударинской крепости на границе с Китаем. Его детство прошло среди монголов, и он «...говорил на их языке лучше, нежели на природном...»⁸. Вероятно, здесь же благодаря тесному общению с монголами и бурятами у А. В. Игумнова возникло то «особенное умение вести дела с ними и влиять на них»⁹, которое впоследствии помогало А. В. Игумнову в его служебной деятельности, а также в монголоведных занятиях.

Отец А. В. Игумнова, будучи сам переводчиком, хотел, чтобы сын наследовал его специальность, и поэтому в 1771 г. отдал его в «учрежденную тогда в г. Селенгинске школу монгольского языка»¹⁰. Сведений о существовании такой школы в

⁶ W. Kotwicz, *Józef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, Wrocław, 1948, str. 12, 51—56, 59, 60; Н. П. Шастина, *История изучения Монгольской Народной Республики*, — сб. «Монгольская Народная Республика», М., 1952, стр. 18, 21; *История Бурят-Монгольской АССР*, т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 221, 250, 253; Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 96; И. М. Кауфман, *Русские биографические и библиографические словари*, М., 1955, стр. 13, 636; Г. Ф. Шапов, *Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете*, — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», т. II, М., 1956, стр. 132, 134, 135, 159, 163; Н. П. Шастина, *Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения*, — там же, стр. 183—184;

⁷ «Биографический словарь», стр. 62; ср. Н. Шукин, стр. 84. — Более точной даты установить не удалось.

⁸ Н. Шукин, стр. 84.

⁹ «Биографический словарь», стр. 62.

¹⁰ Василий Игумнов служил переводчиком в Пограничном правлении на Кяхте и приставом при русских духовных миссиях, бывших в Пекине в 1771, 1781 и 1794 гг. (Н. Шукин, стр. 84).

известных нам работах не имеется. Вероятно, биографы А. В. Игумнова имели в виду селенгинскую гарнизонную школу для обучения детей военнотружущих и солдатских сирот, основанную в XVIII в., где преподавался и монгольский язык¹¹.

Окончив в 1777 г. эту школу, А. В. Игумнов служил толмачом в Кяхтинской пограничной канцелярии, а затем в качестве переводчика сопровождал в 1781 г. российскую духовную миссию в Пекин. В этой должности А. В. Игумнов блестящим знанием монгольского языка и своими деловыми качествами обратил на себя внимание иркутского губернатора Ф. Н. Клички. При его содействии А. В. Игумнов смог отправиться сначала в Москву, а потом в Петербург. Сведения об этом периоде жизни А. В. Игумнова очень кратки и не совсем ясны. В Москве А. В. Игумнов был принят в дом известного Никиты Акинфиевича Демидова¹², где «пользовался уроками лучших учителей столицы»¹³. «Прилежное чтение»¹⁴ и общение «с образованнейшими людьми тогдашнего времени» обогатили и расширили его кругозор, «переродили, так сказать, этого жителя степей монгольских»¹⁵.

В 1786 г. произошел один из пограничных конфликтов, приведший к прекращению торговли Кяхты с Маймаченом, что имело значение для всего Забайкалья. А. В. Игумнов не мог остаться равнодушным к этим событиям и успешно вернулся в Иркутск. Там он принял участие в рассмотрении пограничных конфликтов, чем в значительной степени способствовал возобновлению русско-китайской торговли в 1792 г. Затем А. В. Игумнов «вступил в пограничную службу», о которой более подробных сведений не имеется.

В 1793—1795 гг. А. В. Игумнов был судьей «Нижней расправы» в Нерчинске, в 1795—1797 гг. — «Нижнего надворного суда» в Иркутске; в 1798 г. — главным комиссионером по закупкам шерсти в Иркутской губернии; в 1798—1804 гг. — главным смотрителем Нерчинских поселений. В 1805 г. А. В. Игумнов как прекрасный знаток монгольского языка и вообще Монголии и Китая сопровождал в качестве переводчика посольство графа Ю. А. Головкина в Китай. После того как посольство, достигнув только Урги, вернулось в Россию,

¹¹ История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 249.

¹² Никита Акинфиевич Демидов (1724—1789) — один из представителей известного рода Демидовых — покровительствовал ученым и художникам.

¹³ Н. Щукин, стр. 85.

¹⁴ «Биографический словарь», стр. 62.

¹⁵ Н. Щукин, стр. 85.

А. В. Игумнов служил уездным судьей в Верхнеудинске (1805—1807), а затем ассессором в казенной палате в Иркутске (1807—1809)¹⁶.

В течение всей службы в перечисленных местах и должностях А. В. Игумнов своими качествами, особенно честностью и бескорыстием, очень отличался от окружающей чиновничьей среды. Когда А. В. Игумнов служил в Сибири, всякого рода взяточничество, вымогательство и поборы были общераспространенными явлениями. Каждый, кто не участвовал в такого рода злоупотреблениях, являлся исключением, возбуждавшим не только тайную неприязнь, но и открытую вражду сослуживцев. В таком положении и оказался А. В. Игумнов.

Своим образом жизни и особенно занятиями монгольским языком А. В. Игумнов представлял редкое исключение в кругу «невежественных и нечистых чиновников»¹⁷.

Благодаря хорошему знанию жизни, быта и нравов бурят и уменью вести с ними дела А. В. Игумнов пользовался у них большим доверием. Он успешно выполнял поручения, связанные с большими трудностями, по закупке шерсти для Иркутской суконной фабрики, по постройке домов для переселенцев и др. Однако своей честностью и прямолинейностью А. В. Игумнов восстановил против себя иркутского губернатора Н. И. Трескина.

В это время образовался кружок интеллигенции, в который вошел и А. В. Игумнов, «один из образованнейших людей того времени в Сибири»¹⁸. Там «... „отводили душу” все придавленные деспотизмом Пестеля¹⁹, Трескина и их клеветников...»²⁰. Не довольствуясь этим, А. В. Игумнов писал об их беззакониях в Петербург своим друзьям — бывшим членам посольства Ю. А. Головкина — и просил о заступничестве за притесняемых Трескиным. Эта переписка показала подозрительной Трескину, который не хотел, чтобы кто-либо, кроме него, имел переписку с Петербургом. Положение осложнялось тем, что отголоски политических событий конца XVIII и начала XIX в. в России и в Западной Европе, постепенно доходившие в искаженном виде до Сибири, усилили цензуру частной переписки,

¹⁶ Там же, стр. 90—91.

¹⁷ В. Вагин, т. I, стр. 140.

¹⁸ Там же, стр. 30—31.

¹⁹ И. Б. Пестель (1765—1843), генерал-губернатор Сибири (1806—1819). Управляя ею, проживая в Петербурге. Покровительствовал иркутскому губернатору Н. И. Трескину, взяточничество и произвол которого явились одной из причин, вызвавших ревизию М. М. Сперанского. Отец декабриста П. И. Пестеля, отрекшийся от него.

²⁰ П. Баснин, стр. 555.

в особенности же писем «подозрительных лиц». К числу их был отнесен и А. В. Игумнов. Некоторые из его писем даже задерживались. Н. И. Трескин начал преследовать А. В. Игумнова, «...придумывая чуть не каждый день все новые и новые приемы полицейско-сыщицкой фантазии...»²¹. А. В. Игумнов даже «...захворал, захандрил и начал подумывать убраться из Иркутска...»²².

Вынужденный, наконец, покинуть Иркутск, в 1809 г. А. В. Игумнов переехал в Верхнеудинск. Годы пребывания в этом городе (до 1820) были очень трудными для А. В. Игумнова. Он был ложно обвинен, отдан под суд и по решению последнего в 1810 г. уволен со службы «...с тем, чтобы впредь не определять [его на службу]»²³. Вместе с тем ему был запрещен въезд в Иркутск.

Оказавшись в тяжелом материальном положении, А. В. Игумнов был вынужден добывать средства к существованию земледелием. В это трудное для А. В. Игумнова время особенно проявились дружеские связи с бурятским населением: «...буряты, всегдашние его друзья, не оставляли его и в черные дни жизни...»²⁴. Они предложили ему преподавать их детям русский и монгольский языки. Вскоре, однако, эти занятия были запрещены верхнеудинским исправником Янковским, который подвергал А. В. Игумнова «всевозможным притеснениям и оскорблениям»²⁵. Доведенный до отчаяния, А. В. Игумнов пытался вернуться в Иркутск, но безуспешно.

Коренная перемена в жизни А. В. Игумнова тесно связана с событием, имевшим большое значение для Сибири, — с ревизией М. М. Сперанского. Эта ревизия особенно наглядно показала окружавшую А. В. Игумнова среду местного чиновничества. Количество чиновников и представителей бурятских родовых властей, отданных под суд, отстраненных от службы и т. п., составило свыше семисот (в дальнейшем многим из них удалось избежать ответственности)²⁶. Вместе с тем М. М. Сперанскому стали известны лучшие представители местной интеллигенции, как, например, кяхтинской бургомистр Н. М. Игумнов (однофамилец А. В. Игумнова), иркутский купец Н. П. Трапезников и др. Внимание М. М. Сперанского привлек также А. В. Игумнов.

²¹ Там же, стр. 556.

²² Там же, стр. 557.

²³ В. Вагин, т. I, стр. 31.

²⁴ Н. Шукин, стр. 91.

²⁵ В. Вагин, т. I, стр. 31.

²⁶ Там же, стр. 125.

Узнав о высоких моральных качествах А. В. Игумнова и о преследовании его Н. И. Трескиным, М. М. Сперанский назначил А. В. Игумнова членом Верхнеудинской следственной комиссии²⁷. Более подробных сведений о деятельности А. В. Игумнова в этой комиссии не имеется. М. М. Сперанский и в дальнейшем оказывал содействие А. В. Игумнову. В 1820 г. он разрешил А. В. Игумнову вернуться в Иркутск, считая запрещение Н. И. Трескина «...самовластным и незаконным»²⁸. Однако для того чтобы вернуть А. В. Игумнова на службу, потребовался указ Александра I (от 26 января 1822 г.) следующего содержания: «Господину управляющему Министерством внутренних дел. — По представлению Сибирского генерал-губернатора и по одобрению Сибирского комитета повелеваю: Надворного советника Игумнова определить по-прежнему на службу, предоставив помещение его Сибирскому генерал-губернатору»²⁹. После этого М. М. Сперанский назначил А. В. Игумнова заседателем Иркутского совестного суда, с чем и поздравил его письменно. После упразднения этой должности А. В. Игумнов стал переводчиком монгольского языка при Общем губернском управлении в Иркутске³⁰. Однако, как сообщает В. Вагин, «...Игумнову не случилось: Лавинский не благоволил к нему...»³¹. Как знаток самых различных сторон жизни бурят А. В. Игумнов стал известен I Сибирскому комитету (1821—1838), по приглашению которого А. В. Игумнов принял участие в составлении проекта «Свода степных законов». В 1831 г. он представил обстоятельные ответы на вопросы Сибирского комитета, а в 1832 г. — «Замечания на Проект степного уложения», о чем более подробно будет сказано ниже. Должность переводчика при Общем губернском управлении А. В. Игумнов занимал, по-видимому, до последних дней своей жизни. А. В. Игумнов скончался 24 октября 1834 г.³²

Переводческая и преподавательская деятельность

Во всех работах об А. В. Игумнове, кратких сообщениях и упоминаниях о нем неоднократно отмечалось, что он был отличным знатоком монгольского языка. Однако документов о мон-

²⁷ Н. Шукин, стр. 32; В. Вагин, т. I, стр. 604.

²⁸ В. Вагин, т. I, стр. 150.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1264, I Сибирского комитета, оп. 1, ед. хр. 69, л. 36.

³⁰ Н. Шукин, стр. 92—94; В. Вагин, т. I, стр. 150.

³¹ В. Вагин, т. I, стр. 150. — А. С. Лавинский был назначен генерал-губернатором Сибири после отъезда М. М. Сперанского в 1823 г.

³² «Биографический словарь», стр. 62; в кн. Н. Шукина год смерти А. В. Игумнова другой — 1835 (Н. Шукин, стр. 84).

гольско-русских переводах А. В. Игумнова в монголоведческой литературе еще не приводилось. Некоторые данные об этих работах имеются только в архивных материалах. Были обнаружены следующие работы А. В. Игумнова:

1) «Записка о ламах забайкальских кумирен»³³. Принадлежность ее А. В. Игумнову подтверждается в «Замечаниях на Проект степного уложения»³⁴;

2) «Краткая выписка из Уложения монгольских законов, заключающихся в 63 статьях, из которых особо о ламах 5 частей (глав)» — перевод также выполнен А. В. Игумновым³⁵, что видно из «представления» иркутского гражданского губернатора от 10 июля 1826 г. за № 2208 генерал-губернатору Восточной Сибири, где упоминается «довольно большой и трудный перевод оных монгольских законов, коим занимается переводчик Губернского Совета коллежский советник Игумнов»³⁶;

3) «Перевод с монгольского клятвенного обещания» (т. е. формулы присяги на суде. Без подписи, но почерк А. В. Игумнова)³⁷.

Кроме переводов с монгольского языка на русский, А. В. Игумнов выполнял и переводы с русского на монгольский.

Например, он перевел:

1) «Устав об управлении инородцев» . 1822 г.³⁸ (о чем А. В. Игумнов сообщает в своих «Замечаниях на Проект степного уложения»)³⁹;

2) «Положение об исках в Сибири»⁴⁰ (т. е. «Высочайше утвержденное положение о разборе исков по обязательным заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий»)⁴¹;

3) «Предписания сибирского генерал-губернатора хорин-

³³ ЦГИАЛ, ф. 1264, I Сибирского комитета, оп. 1, ед. хр. 223, лл. 161—194 обор. (далее—ф. 1264, ед. хр. 223, л. ...).

³⁴ Там же, л. 378.

³⁵ Там же, лл. 195—214 обор.

³⁶ Там же, л. 261 обор.

³⁷ Там же, лл. 28—29.

³⁸ «Высочайше утвержденный Устав. — Об управлении инородцев». — «Полное собрание законов Российской империи», т. XXXVIII, СПб., 1830, стр. 394—417. Текст его приведен у В. Вагина (В. Вагин, т. II, стр. 259—264).

³⁹ Ф. 1264, ед. хр. 223, л. 558.

⁴⁰ Там же, лл. 399 обор.—400.

⁴¹ «Полное собрание законов Российской империи», т. XXXVIII, стр. 557—565.

скому главному тайше, трем аймачным тайшам и Анинской конторе» от 5 марта 1820 г.⁴²

То, что А. В. Игумнов в совершенстве владел монгольским языком, видно также из следующего сообщения, имеющегося в делах I Сибирского комитета: «...Игумнов... ведет непосредственно и заграничную переписку с китайским ургинским (куренским) правительством на точном монгольском языке, и с того времени, по признанию самого начальства, переписка сия ведется удачно и с желаемым успехом»⁴³.

Превосходно владея монгольским и бурятским языками, А. В. Игумнов не ограничивался только исполнением служебных обязанностей, а стремился поделиться своими знаниями этих языков. Он обучал детей бурятских тайшей русскому языку, а детей местных русских купцов — монгольскому. Кроме того, он открыл в Иркутске частную школу. Вероятно, именно к ней относится сообщение о том, что «...в 1813 г. монголистом А. В. Игумновым была учреждена частная русско-монгольская школа, в которой, кроме других предметов, обучались монгольскому языку. В 1814 г. в ней было 9 учеников, из них 5 бурят и 4 русских»⁴⁴.

А. В. Игумнов сумел убедить иркутского архиепископа Михаила в необходимости ввести преподавание монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, куда и был приглашен преподавателем⁴⁵. Преподаванием монгольского языка он занимался до конца своей жизни, причем часто безвозмездно. Кроме того, А. В. Игумнов «...перед смертью завещал гимназии 4000 рублей с тем, чтобы проценты с этих денег употреблялись на учебные пособия и платье бедным ученикам»⁴⁶. Большое внимание и заботу А. В. Игумнов проявлял и к самим учащимся. «Найдутся люди, — сообщает Н. Шукин, — которые и теперь скажут, что обязаны Игумнову охоту к учению»⁴⁷.

С особой силой готовность А. В. Игумнова делиться своими большими познаниями в монгольском языке проявилась в его отношении к предложению попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина заниматься монгольским языком с О. М. Ковалевским и А. В. Поповым. В письме

⁴² Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР, рукопись под шифром Е 239.

⁴³ Ф., 1264, ед. хр. 223, л. 400.

⁴⁴ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 250.

⁴⁵ Н. Шукин, стр. 94—95; ср. Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 94.

⁴⁶ Н. Шукин, стр. 95.

⁴⁷ Там же.

П. А. Словцову от 9 сентября 1827 г. А. В. Игумнов просил «...уведомить за меня г. Попечителя Казанского учебного округа, что я, находясь на окончании дней жизни моей, с тем большею охотою берусь обучить монгольскому языку двух преподаваемых студентов...»⁴⁸. Приезд О. М. Ковалевского и А. В. Попова доставил А. В. Игумнову большую и искреннюю радость, что тогда же было отмечено О. М. Ковалевским в его письме М. Н. Мусину-Пушкину⁴⁹. Как преподаватель с большим опытом, А. В. Игумнов увидел в О. М. Ковалевском и А. В. Попове людей, которым он сможет отдать все свои знания. «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать, и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает... Для нас собирает он грамматические правила монгольского языка, отыскивает книги, переписует рукописи...»⁵⁰.

Занятия по монгольскому языку со своими учениками А. В. Игумнову приходилось начинать с обучения их чтению и письму, для чего им были специально подобраны различные монгольские алфавиты⁵¹. Ученики А. В. Игумнова отмечали заслуги своего учителя в достигнутых ими результатах. «Пользуясь наставлениями и неутомимыми трудами г. Игумнова, научились мы читать и писать по-монгольски»⁵². Материалы, предназначенные А. В. Игумновым для упражнений в переводах, были очень разнообразны; среди них имелись: «Басни», «История Кгэсэр-хана, известного на Востоке витязя» (по всей вероятности, пекинское ксилографическое издание Гэсэр-хана, 1716 г.), образцы официальной и частной переписки, одна тетрадь «Монгольского уложения» и др.⁵³. У А. В. Игумнова имелось богатое собрание монгольских рукописей и ксилогра-

⁴⁸ Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 29, оп. 1, ед. хр. 6/664, «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 376 (далее — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского»); ср. *Извлечения из дневных записок*, стр. 116.

⁴⁹ «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 726; ср. *Извлечения из дневных записок*, стр. 116.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Например, «Полная монгольская азбука печатных 23 букв, светского шрифта с прибавлением 8 букв, употребляемых монголами для выражения слов, взятых из иностранных языков, как-то: Маньчжурского, Тибетского, Санскритского и Китайского», «Двенадцатиглавая Монгольская азбука» и др., см. *Извлечения из дневных записок*, стр. 117. Несколько ксилографических изданий такого рода имеется в Собрании монгольских рукописей и ксилографов.

⁵² Письмо визитатору сибирских училищ (П. А. Словцову) от 15 декабря 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 83а.

⁵³ *Извлечения из дневных записок*, стр. 116, 119.

фов, поэтому недостатка в текстах для занятий в первое время не ощущалось.

Большие трудности встретились при занятиях монгольской грамматикой, так как подобного рода работ в то время не было совсем. Поэтому О. М. Ковалевский и А. В. Попов проявили большой интерес к тем материалам по монгольскому языку, которые им предоставил А. В. Игумнов. Это были «Три тетради правил монгольского правописания, около 20 листов»⁵⁴, относительно которых О. М. Ковалевский заметил: «Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил монгольского языка, касающихся не одного только правописания, но и основательного познания изменений имен, спряжений глаголов, частиц отдельных и вместе с именами изображаемых, наречий и пр. Сия Грамматическая, так сказать, Энциклопедия еще, кажется, не скоро будет окончена почтеннейшим нашим учителем. Но в приготовленных и нами уже списанных тетрадях, находятся чрезвычайно важные материалы, которые со временем послужат как для дополнения сочинения известнейшего в Европе ориенталиста А. Ремюза, так и для опровержения многих его статей»⁵⁵.

Вскоре, однако, весьма высокая и даже восторженная оценка, данная О. М. Ковалевским, подверглась значительным изменениям. В течение короткого времени О. М. Ковалевский, получивший отличную филологическую подготовку в Виленском, а затем в Казанском университетах, заметил, что сведения по монгольскому языку, которые сообщал А. В. Игумнов, являются только наблюдениями над отдельными фактами монгольской грамматики, а не сколько-нибудь полным сводом ее правил. «Наши успехи в Иркутске с некоторого времени довольно медленны,—писал О. М. Ковалевский,—потому что для переводов требуется знание не одних только слов, но и правил грамматических, которых г. Игумнов, кажется, не может нам достаточно объяснить»⁵⁶.

Как видно из сказанного, для А. В. Игумнова оказалось затруднительным и даже невозможным систематизировать свои наблюдения из области монгольской грамматики, произвести некоторые обобщения и т. п., что более всего интересовало его

⁵⁴ Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину от 1 сентября 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 75 б.

⁵⁵ Там же, л. 76; ср. там же, л. 77б; *Извлечения из дневных записок*, стр. 118—119.

⁵⁶ Письмо М. Н. Мусину-Пушкину от 22 декабря 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 84а.

учеников, в особенности О. М. Ковалевского. На основании данных биографии А. В. Игумнова и сообщений О. М. Ковалевского такое положение следует объяснить тем, что познания в монгольском языке, полученные А. В. Игумновым в школе, а также накопленные в течение многолетней служебной деятельности, имели чисто практический характер и были далеки от того, что мы понимаем под языкознанием.

Ознакомившись в течение нескольких месяцев жизни в Иркутске с деятельностью других местных знатоков монгольского языка, О. М. Ковалевский пришел к выводу, что, «кроме г. Игумнова, ни один из здешних переводчиков никогда ученым образом не упражнялся монгольским языком и никогда не думал собирать ученые сведения о Монголии и монголах или по крайней мере о наших монголо-бурятах»⁵⁷.

Вместе с тем А. В. Игумнов оказывал О. М. Ковалевскому и А. В. Попову постоянную и большую помощь в работе по составлению монгольско-русского словаря — пособия, совершенно необходимого для текущих занятий монгольским языком. Для этой цели они выписывали из одного маньчжуро-монгольского словаря монгольские слова, приводили их в порядок, принятый в европейских словарях, и представляли на просмотр А. В. Игумнову. Кроме полученных таким путем материалов, «обильнейшими источниками» для краткого словаря служили, по словам О. М. Ковалевского, «богатые материалы, собранные нашим достопочтенным учителем для своего полного монгольского словаря»⁵⁸. Эту работу А. В. Игумнов не только отдал в пользование своим ученикам, но и подарил ее О. М. Ковалевскому⁵⁹. Помимо того, А. В. Игумнов предоставил О. М. Ковалевскому возможность производить выписки из первой части полного его словаря⁶⁰.

А. В. Игумнов вел занятия со своими учениками по монгольским письменным памятникам, т. е. преподавал им монгольский письменный язык. Однако он всегда уделял большое внимание и разговорному языку. Когда он согласился на преподавание монгольского языка, его стал беспокоить вопрос о том, чтобы «...свободно и беспрепятственно можно было заниматься обучением оных студентов... с разъездом для сего предмета по

⁵⁷ Письмо ректору Казанского университета от 25 ноября 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», лл. 81а—81б.

⁵⁸ Письмо М. Н. Мусину-Пушкину от 15 декабря 1826 г., ф. 29, ед. хр. 6/664, лл. 83а—83б.

⁵⁹ *Извлечения из дневных записок*, стр. 123.

⁶⁰ Письмо М. Н. Мусину-Пушкину от 29 декабря 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 85б.

Забайкальскому краю...» с целью «усовершенствовать и самую их опытность по сему языку»⁶¹.

С начала занятий А. В. Игумнов предоставил своим ученикам составленный им монгольско-русский разговорник «о предметах обыкновенной беседы». Весной 1829 г. А. В. Игумнов вместе со своими учениками совершил поездку по Забайкалью «для практических упражнений в монгольском языке»⁶². А. В. Игумнов составил специальный маршрут: «сперва к Гусиноозерским кумирням через Верхнеудинск, Селенгинск, Кяхту, Кудару к Чикойским кумирням...», причем разъезды должны совершаться «...не по почтовому тракту, а по проселочным дорогам и по мере надобности останавливаясь между бурятами»⁶³. Поездка должна была продлиться с конца марта до конца августа или половины сентября.

Когда они прибыли в Верхнеудинск, многие буряты верст за двадцать и более приезжали туда, чтобы посетить А. В. Игумнова как коренного верхнеудинского жителя⁶⁴. Из Верхнеудинска А. В. Игумнов со своими учениками отправился 28 мая 1829 г. к хоринским бурятам и далее к р. Онону, откуда через Агу они возвратились в Верхнеудинск. Затем А. В. Игумнов по слабости здоровья решил вернуться в Иркутск. Как видно, А. В. Игумнов принял участие в довольно значительной части поездок своих учеников по Забайкалью. Когда О. М. Ковалевский и А. В. Попов также вернулись в Иркутск, А. В. Игумнов продолжал с ними занятия до тех пор, пока они не были прерваны отъездом О. М. Ковалевского в Пекин.

Работа над составлением монгольско-русского словаря

«...Еще в 1787 г., по возвращении из Петербурга, Игумнов начал составлять Монгольский словарь...»⁶⁵, — так сообщает Н. Шукин. О. М. Ковалевский указывает другую дату начала работы А. В. Игумнова над Словарем — 1778 г.⁶⁶ Не имея предшественников в деле составления монгольско-русского словаря, А. В. Игумнов был лишен возможности получать советы и указания. Сам же он филологического образования не получил. Все это очень отразилось на его работе над монгольско-русским словарем.

⁶¹ Письмо П. А. Словоцову от 9 сентября 1827 г., — там же, л. 38а.

⁶² *Извлечения из дневных записок*, стр. 120.

⁶³ Письмо Мусину-Пушкину от 23 февраля 1829 г., — там же, лл. 94а—94б.

⁶⁴ Там же, л. 96а.

⁶⁵ Н. Шукин, стр. 92.

⁶⁶ *Извлечения из дневных записок*, стр. 120, 123. — Вторая дата маловероятна.

А. В. Игумнов начал со сбора словарного материала. В начале работы основным источником А. В. Игумнову служил изданный в Пекине в 1709 г. маньчжуро-монгольский словарь, озаглавленный «Составленное императором маньчжуро-монгольское зеркало слов». Из него А. В. Игумнов производил выборку монгольских слов. Число слов, собранных за период с 1778 [1787] по 1824 г., составило около 12 тыс., и все они были расположены А. В. Игумновым «в двух огромных томах»⁶⁷. В дальнейшем А. В. Игумнов использовал в качестве источников также различные исторические, юридические, медицинские, буддийские и другие сочинения, имевшиеся «...в его богатом монгольском книгохранилище»⁶⁸. Таким образом, в основу Словаря А. В. Игумнова легли первоисточники, что являлось одним из главных его достоинств.

Эти источники определяли характер Словаря: он должен был быть Словарем монгольского письменного языка. В Словаре А. В. Игумнова слова давались в формах монгольского письменного и разговорного языков. Примеры, т. е. фразеологический материал, также приводились в письменной и разговорной формах. Следует еще отметить, что в конце Словаря должен был находиться указатель имеющихся в Словаре русских слов⁶⁹. Таким образом, Словарь А. В. Игумнова, как было отмечено В. Котвичем, «был задуман широко»⁷⁰ и в итоге работы «...увеличился до 4 огромных томов»⁷¹.

При создании этого большого научного труда возникло много трудностей. Главная из них заключалась в том, что А. В. Игумнов расположил Словарь «по корням слов»⁷². Поэтому можно предположить, что Словарь был составлен таким же образом, как и труд О. М. Ковалевского «Опыт монгольского корнеслова»⁷³. В ходе работы А. В. Игумнова довольно часто случалось, что слова, которые он считал относящимися к тем или иным корням, при просмотре им всей работы представлялись принадлежащими к другим корням. К тому же иногда возникала необходимость добавлять новые слова, обнаруженные во вновь привлеченном материале, или же заполнять обнаруженные лакуны. В таких случаях А. В. Игумнову приходилось

⁶⁷ Там же, стр. 123.

⁶⁸ Там же, стр. 122.

⁶⁹ Там же, стр. 120—121.

⁷⁰ W. Kotwicz, *Józef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, str. 53.

⁷¹ *Извлечения из дневных записок*, стр. 122.

⁷² Н. Шукин, стр. 92.

⁷³ Г. Н. Румянцев, *Неизвестная рукопись О. М. Ковалевского*, — «Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики», VII, Улан-Удэ, 1947, стр. 132—142.

«переделывать несколько листов... работа начиналась снова...»⁷⁴.

Из сказанного видно, что А. В. Игумнов не располагал словарный материал на карточках, вследствие чего техника составления словаря представляла для него большие трудности. Опыт показал А. В. Игумнову, что он должен совершенно изменить построение своего Словаря — расположить его материал в алфавитном порядке. Он приступил к этой работе, но к приезду О. М. Ковалевского успел закончить только первый том. Точных сведений о содержании и объеме этого тома не имеется.

Труд А. В. Игумнова при первом знакомстве с ним получил положительную оценку О. М. Ковалевского, который считал, что, «без сомнения, сей долголетний труд обратит на себя особенное внимание Казанского университета, имеющего в виду основание Восточного института...»⁷⁵. Однако, когда О. М. Ковалевский составлял трехтомный монгольско-русский словарь, до настоящего времени остающийся непревзойденным, он дал совершенно иную оценку труду А. В. Игумнова. «Игумнов, — писал он, — приняв в своем словаре за основание известное зеркало монгольского слова (булеку битхэ), привел в алфавитный порядок найденные в нем слова и прибавил к ним несколько речений, частью почерпнутых из весьма немногих книг, а более составленных наудачу из разговорного языка»⁷⁶. Не имея возможности непосредственно ознакомиться с трудом А. В. Игумнова, нельзя определенно говорить о его достоинствах и недостатках. На основании же последнего отзыва О. М. Ковалевского, а также из всего сказанного выше следует считать, что А. В. Игумнову не удалось в полной мере осуществить те большие задачи, которые он поставил перед собой и которые в их полном объеме остаются не осуществленными до настоящего времени.

Собирание рукописей и ксилографов и связанные с этим работы А. В. Игумнова

Множество разнообразных по содержанию письменных памятников, привлеченных А. В. Игумновым для работы над Словарем, свидетельствует о том, что А. В. Игумнов был большим знатоком в этой области. Это видно из «Реестра нужней-

⁷⁴ Н. Щукин, стр. 92.

⁷⁵ *Извлечения из дневных записок*, стр. 122.

⁷⁶ О. М. Ковалевский, *Монгольско-русско-Французский словарь*, т. I, Казань, 1844, стр. IV.

шим монгольским книгам», составленного А. В. Игумновым по просьбе О. М. Ковалевского⁷⁷. В нем приведены заглавия книг, выписываемых из Кяхты⁷⁸. Среди них прежде всего следует указать на «Драгоценное сокращение о корне царей», что является русским переводом того времени монгольского заглавия «Хад-ун ундусун-у эрдэни-йин тобчи» — «Драгоценный Свод сведений о происхождении ханов», т. е. труда Саган-Сэцэна.

Далее в списке помещены заглавия источников, которыми пользовался этот автор. Их названо шесть — те, которые перечислены в рукописи, привезенной В. Новоселовым и имевшейся в копии у А. В. Игумнова. Кроме того, в списке названы буддийские сочинения, один памятник эпической литературы («Гэ-сэр-хан»), труды по медицине, словари и т. п.⁷⁹. Большинство этих сочинений имелось в личном собрании А. В. Игумнова.

Собрание памятников монгольской письменности является одной из лучших сторон многообразной и плодотворной деятельности А. В. Игумнова.

А. В. Игумнов продолжал работу по сбору монгольских памятников, начатую во времена Петра I⁸⁰. Монгольские памятники собирались для Академии наук русскими путешественниками XVIII в., из которых особенно следует отметить И. Иерига, одного из ближайших сотрудников Палласа, а также отдельными коллекционерами. Одним из первых коллекционеров был князь А. М. Черкасский, состоявший губернатором в Сибири с 1719 по 1724 г., у которого имелись даже «деревянные матрицы» (для печатания ксилографов)⁸¹. Следует назвать также томского губернатора П. Г. Фролова, который устроил в Барнауле собственный «Азиатский музей», где, «между прочим, находится богатое собрание статуй бурханов, минералов, монгольских и тибетских книг...» Необходимо отметить, что книги для этого музея были получены при содействии

⁷⁷ Этот список был приложен к письму А. В. Игумнова от 30 августа 1828 г. директору Кяхтинской таможни П. Ф. Голяховскому с просьбой содействовать выписке этих книг из Урги или Пекина (*Извлечения из дневных записок*, стр. 126).

⁷⁸ Там же, стр. 126.

⁷⁹ Там же, стр. 126—128.

⁸⁰ Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 91—94.

⁸¹ Т. S. Bayer (Regiomontanus) *Elementa litteraturae brachmanicae, tanquticae, mongolicae*, — «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae», t. III, Petropoli, [1732], p. 390.

А. В. Игумнова⁸². Собираанием монгольских рукописей занимались также сотрудники российской духовной миссии в Пекине. Например, В. Новоселов (студент миссии) привез один из списков труда Саган-Сэцэна, о чем свидетельствуют его собственноручные пометки «Из книги Новоселова» на II, III, IV тетрадях этого списка⁸³. Следует также отметить, что два списка летописи «Алтан тобчи» были разысканы членами духовной миссии⁸⁴.

Из частных собраний монгольских рукописей и ксилографов коллекция А. В. Игумнова, по-видимому, была наиболее значительной. А. В. Игумнов собирал прежде всего те сочинения, которые были широко распространены в феодальной Монголии и потому являлись самыми доступными для приобретения— буддийские сочинения. Вместе с тем его внимание привлекали и другие памятники монгольской письменности — сочинения исторические, литературные, дидактические, медицинские, астрономические и т. п.

О том, как образовалось богатое собрание А. В. Игумнова, имеется очень немного сведений. Например, О. М. Ковалевский сообщает, что примерно в 1790 г. А. В. Игумнов приобрел у одного монгола «на китайской границе» рукопись сочинения «Чингис богдо хаган-у сургал» (т. е. «Поучение Чингис-хана»)⁸⁵.

В тех случаях, когда А. В. Игумнову не удавалось приобрести подлинник рукописи или ксилографа, он старался получить копию. В 1791 г. «за весьма дорогую цену» он приобрел «потаенно списанные» четыре последние «части» (главы) «Монгольского уложения», т. е. «Китайского Уложения палаты внешних сношений». Это удалось А. В. Игумнову только благодаря влиянию, которым он пользовался у монголов, и доверию, которое монголы питали к нему. Список был прислан одним монгольским чиновником вместе с письмом к А. В. Игумнову. Автор письма обращает внимание А. В. Игумнова на то, что его поступок (продажа снятой им копии «Уложения»), если только станет известным, будет расценен как самое тяжкое преступление по китайским законам и обычаям, согласно которым «...буде кто украдет или выдаст постороннему человеку святого великого государя (богдохана) законы, то бывает виновен несколько крат более, нежели человекоубийца...» Автор указывает, что ответ-

⁸² Извлечения из дневных записок, стр. 132—133.

⁸³ «Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения», шифр F 188.

⁸⁴ Там же, шифр F 25, G 26.

⁸⁵ Извлечения из дневных записок, стр. 137.

ственность за этот проступок понесет не только он, но и его потомки. Все же он считает, что «...никак невозможно было отказать Вашему желанию»⁸⁶.

А. В. Игумнов интересовался самыми различными сторонами монголоведения и потому не мог не обратить внимания на такой замечательный памятник монгольской феодальной историографии, каким является труд Саган-Сэцэна, список которого был привезен в то время В. С. Новоселовым из Пекина. Эту рукопись А. В. Игумнов «...со всевозможной точностью списал для себя, сохраняя даже самые непростительные и явные ошибки оной»⁸⁷.

Собирание монгольских рукописей и ксилографов в условиях того времени было связано с большими трудностями. Это видно, например, из письма А. В. Игумнова, посланного П. Л. Шиллингу: «...Здесь, как и по всей китайской границе, тангутские [тибетские] и особенно монгольские сочинения редки и потому очень дороги, так что разве по одному тесному знакомству и нужде по случаю можно их доставать, но чтобы кто сбывлял их в продажу, того я не слыхивал. Китайцам же, торгующим на Кяхте, привозить [книги] туда и продавать нам запрещается»⁸⁸. Собственноручные пометки А. В. Игумнова на нескольких сочинениях IV коллекции Собрания монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения указывают на то, что А. В. Игумнов составлял свое собрание разными путями. Например, на ксилографе под шифром С 79 имеется надпись: «Напечатан при мне деревянным стереотипом, вырезанным из ...[?]; на ксилографе С 246: «Получена 1800 года. От Цонгольских капищей через брата Петра Васильевича Игумнова»⁸⁹.

При всех этих трудностях Александру Васильевичу удалось создать «богатое монгольское книгохранилище»⁹⁰. Дальнейшая судьба этого собрания очень беспокоила А. В. Игумнова — он «страшился, что по смерти его огромная монгольская библиотека будет растащена...»⁹¹. Еще в 1829 г. А. В. Игумнов пред-

⁸⁶ «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», лл. 77а—77б; ср. *Извлечения из дневных записок*, стр. 145—146.

⁸⁷ *Извлечения из дневных записок*, стр. 138—139.

⁸⁸ Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17, л. 16.

⁸⁹ См. также ксилографы под шифром С 57, С 59 и др.; Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 96.

⁹⁰ *Извлечения из дневных записок*, стр. 122.

⁹¹ Н. Щукин, стр. 94.

особнякъ раздѣръ со цветомъ радной и инетвоа ихъ,
дабы и незнаюмоа ваямъ кити не позад-
мисъ о инетвоа малымъ или болыи или;
на воеи раздѣръ можеть заимать отъ
семидесяти болыиыхъ и малыхъ и касты-
ныхъ иръ нихъ о Мангунусе и ас, а другыи
и о. Тангунусе и ас, земъ а и на на-
мъ не замедлатъ и отвѣать, сестъ не о
будущемъ, ты и студуица за оной оуздѣло.
Но раздѣръ сей подаетъ сей на сирогъ а
собрать, дабы не тина оу а шесторои
шарлатанскыи руди.

Или же раздѣръ ботъ о италамъ къ воеи
всей оу италамъ и кастыи тѣ-
дакнотыи:

Вашоу Провождителюству!

Милоу стиваю Болудира!

всепрощаю оу васъ

Александръ Изумновъ.

2^я декабря,
1829 года.

Иркутскъ.

ложил П. Л. Шиллингу приобрести его собрание⁹². Предложение А. В. Игумнова было принято — все его собрание рукописей и ксилографов было приобретено П. Л. Шиллингом, за исключением нескольких сочинений, с которыми А. В. Игумнов «...никак не мог расстаться»⁹³.

После смерти П. Л. Шиллинга (1837 г.) это собрание (под названием «II коллекции П. Л. Шиллинга») было передано в Азиатский музей (1838 г.). Монгольские материалы этого собрания составили VI коллекцию Собрания монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения. Помимо буддийских сочинений, в ней имеются и литературные произведения, сочинения по медицине, сборники гаданий и т. п. Краткие сведения об этой коллекции имеются в литературе⁹⁴.

А. В. Игумнов занимался также и изучением собранных им материалов, в результате чего полностью или в извлечении изложил содержание отдельных сочинений. Им были выполнены следующие работы:

1) «Описание двух монгольских книг, поднесенных тайшею Ломбоцэрэном Турутуевым». Эти книги — «Эльдэб улигэр-ун далай» и «Богдас-ун цаган линхуа» — были поднесены сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому⁹⁵.

2) «Краткое извлечение из монгольской книги «Чихула хэрэглэчи тэгус утхату», т. е. важные потребности [к познанию о происхождении вселенной]»⁹⁶;

3) «Содержание книги «Мани-ин паин» (?), т. е. «Изъяснение Мани»⁹⁷;

4) «Содержание книжки на монгольском языке «Хамук номутун дурбэн унэн-у эркэчки олоксан», т. е. «нашедший власть четырех истин всех желаний»⁹⁸.

К работам подобного же характера следует отнести:

5) «Перевод книжки на Тангутском [тибетском] и Монгольском языках Дара экэ-ин хорин никгэн мургул, т. е. Матери Дары двадцать одно поклонение»⁹⁹;

6) «Реестр монгольским книгам, поступившим 1819 г. с

⁹² Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17, л. 2а.

⁹³ Н. Шукин, стр. 95.

⁹⁴ Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 96.

⁹⁵ Ф. 1264, ед. хр. 11, лл. 2—3 обор.

⁹⁶ Там же, лл. 32—35.

⁹⁷ Там же, лл. 44—46 обор.

⁹⁸ Там же, лл. 51—63 обор.

⁹⁹ Там же, лл. 47—50 обор.

ноября по июль 1826 г. от забайкальских бурятов», к которому имеется примечание А. В. Игумнова¹⁰⁰.

Все перечисленные выше рукописи написаны рукой А. В. Игумнова.

Работы по этнографии, обычному праву, религии и истории монголов и бурят

Занимаясь монголоведением, А. В. Игумнов постоянно интересовался самыми различными сторонами жизни монгольского и бурят-монгольского народов. Поездка в Пекин (в 1781 г.) дала А. В. Игумнову возможность еще ближе познакомиться с монголами. На основании личных наблюдений и сведений, собранных на месте, А. В. Игумнов написал две статьи, помещенные под общим заголовком «Обозрение Монголии»¹⁰¹. В первой — «Отделение первое. О нынешнем состоянии Монголии», сообщаются сведения, относящиеся главным образом к Внутренней Монголии: об ее географии, административном делении, племенах, населяющих ее, управлении ими, их быте и т. п. Вторая статья — «Отделение второе. О вере и нравственности монголов», является кратким очерком распространения ламаизма у монголов. В этих статьях содержатся сведения общего характера о Монголии и монгольском народе того времени¹⁰².

Самым различным сторонам жизни бурят А. В. Игумнов посвятил два своих сочинения. Одно из них, озаглавленное «О существовании бурятского народа», содержало, по словам О. М. Ковалевского, «...некоторые исторические и местные предания о происхождении бурят и присоединении их к России», в другом, заглавие которого не приводится, содержатся сведения «...о ламах с краткою выпискою из Монгольского уложения о шигэмонианском духовенстве», кроме того, «...сочинения сии по своей важности служат дополнением материалов о вере ламайской»¹⁰³. Первое из названных сочинений до настоящего

¹⁰⁰ «Из сих 19 книг переведены и поданы Вашему Высокопревосходительству [М. М. Сперанскому], [а книги] под №№ 4, 5 и 19 хранятся у меня» (там же, лл. 66—67 обор.).

¹⁰¹ «Сибирский вестник», 1819, ч. V, стр. 1—45.

¹⁰² Следующие две статьи, озаглавленные: «Отделение третье. О гражданском образовании и законодательстве у монгольских народов» («Сибирский вестник», ч. VI, стр. 45—61) и «Отделение четвертое. О словесности у монголов и успехах разума» (там же, стр. 62—84), помещены без подписи. Эти статьи по характеру сообщаемых сведений и особенностям изложения напоминают первые две. Поэтому вполне вероятно, что в двух последних статьях издателем были использованы материалы А. В. Игумнова.

¹⁰³ «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 85б.

времени отыскать не удалось. Второе же было обнаружено в делах I Сибирского комитета, где оно озаглавлено «Записка о ламах забайкальских кумирен». К нему приложена «Краткая выписка из Уложения монгольских законов»¹⁰⁴.

Эта работа А. В. Игумнова посвящена очень острому и наиболее в то время вопросу о росте числа лам в Забайкалье.

В начале работы А. В. Игумнов указал на полную неосведомленность сибирского начальства относительно сущности ламаизма, путей его проникновения и способов распространения среди местного населения. Поэтому А. В. Игумнов считал необходимым прежде всего сообщить некоторые сведения о возникновении буддизма в Индии, переходе его в Тибет и далее в Монголию¹⁰⁵.

Одной из главных тягот, возложенных ламством на бурятский народ, А. В. Игумнов считал постройку кумирен: «...Постройки сии производились нащёт общества как поголовными поборами, так и принужденными прикладами [принудительными вкладами]», причем, по справедливому замечанию А. В. Игумнова, «...они всегда сопровождались безотчетностью лам»¹⁰⁶.

В качестве действенного средства борьбы с ростом числа лам и вытекающими из этого последствиями А. В. Игумнов считал необходимым применять к ламству соответствующие статьи «Монгольского уложения».

Прежде всего Игумнов предлагал вернуть в светское состояние так называемых «некомплектных» лам, которые проживали вне дацанов (монастырей) и вели в сущности светский образ жизни, но пользовались всеми преимуществами, предоставленными духовенству. Численность «некомплектных» лам уже к началу XIX в. в несколько раз превысила установленный в середине XVIII в. «комплект» из 150 лам и все время продолжала возрастать. Предлагая лишить «некомплектных» лам духовного звания и связанных с ним привилегий, А. В. Игумнов ссылаясь на статьи «Монгольского уложения», согласно которым ламы в определенных случаях (за преступления, несоблюдение духовных обетов и т. п.) лишались духовного звания. В качестве другой меры, направленной против увеличения численности лам, А. В. Игумнов считал нужным запретить самовольное, т. е. не разрешенное светскими властями, посвящение в духовное звание, как это было установлено «Монгольским уложением»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, лл. 161—214 обор.

¹⁰⁵ Там же, лл. 161—166 обор.

¹⁰⁶ Там же, л. 174 обор.

¹⁰⁷ Там же, лл. 184—188.

А. В. Игумнов решительно возражал также против присвоения ламам множества высоких званий и титулов. И в этом случае А. В. Игумнов ссылался на статьи «Монгольского уложения», в которых устанавливались штаты лам различных степеней. Он также указывал на необходимость противодействовать ламской пропаганде буддизма.

В следующих отделах своей работы, озаглавленных «Праздность и бродяжничество лам», «Любостязание лам», «Непотребство лам», А. В. Игумнов представил весьма неприглядную картину быта и нравов ламства. Для подтверждения изложенных предложений о мерах борьбы с ростом численности лам и т. п. А. В. Игумнов приложил к «Записке» перевод пяти глав из «Монгольского уложения»¹⁰⁸.

О больших знаниях А. В. Игумнова разных областей жизни бурят было известно Сибирскому комитету в то время, когда составлялся проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Поэтому 12 мая 1831 г. управляющий делами Сибирского комитета А. П. Величко обратился к А. В. Игумнову с просьбой ответить на несколько вопросов, относящихся главным образом к обычному праву бурят¹⁰⁹.

24 июля того же года А. В. Игумнов представил обстоятельные ответы, где изложил нормы бурятского брачного права¹¹⁰. Их основные положения приведены ниже.

1) Прежде всего А. В. Игумнов отметил агнатность бурятского рода в следующих словах: «Родом у бурят, монголов и тунгусов разумеется какое-либо одно племя, колено, фамилия в обширном смысле, происходящая от одного известного имени праотца, жившего за несколько веков»¹¹¹, причем «...родовичи считают между собою кровное родство и поныне, что должно продолжаться потомственно по мужской линии и непрерывно навсегда, без всякого изменения»¹¹².

2) В тесной связи с агнатностью рода находилась экзогамия бурятского рода, что также было отмечено А. В. Игумновым. «И потому, — продолжает он, — одного и того же названия племени колена считаются между собою все как мужского, так и женского пола, кровною роднею до неопределенного времени и навсегда. Они не женятся на невестах и не выходят в замужество за человека одного и того же племени или поколения, хотя

¹⁰⁸ Там же, лл. 195—214 обор.

¹⁰⁹ Там же, л. 408.

¹¹⁰ Там же, лл. 417—426 обор.

¹¹¹ Там же, л. 417 обор.

¹¹² Там же, лл. 418 обор.—419.

бы то случилось от первого праотца в сотом и далее колена...»¹¹³.

3) Далее А. В. Игумнов сообщил об особом виде брака у бурят, названном позднейшими исследователями «обменным браком». «А напротив того как особого наименования племя не состоит в родстве с другими таковыми же, — писал он, — то они между собою и часто женятся два родные брата на двух родных сестрах, но только из другого племени; два свата берут за своих сыновей в замужество двух девок один от другого на обмен, что и называется у них **дружаться**, андалаху. Сему и тому подобные браки совершаются очень часто»¹¹⁴.

4) Еще об одной норме бурятского брачного права — левирате А. В. Игумнов сообщает следующие сведения: «Малый брат умершего может жениться на его вдове и, даже, по редким случаям и пасынок на своей мачехе (как был женат умерший хоринский тайша Дэмбэл Галсанов), буде она еще молода. Но большей брат не может жениться на овдовевшей жене младшего...»¹¹⁵.

5) А. В. Игумновым была отмечена также и полигамия у бурят: «Были и есть примеры, что один муж имеет по 2, по 3 и до 7 жен в одно и то же время, когда первая его жена или старшие жены бездетны, или же, имея дочерей, не имеют довольно сыновей. Таковое многоженство не только не производит порицания, но еще привлекает от богатых одобрение, а от недостаточных — зависть»¹¹⁶.

¹¹³ Там же, л. 419.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. — Брачные обычаи бурят, о которых писал в своих ответах А. В. Игумнов, были значительно позднее освещены в работах других исследователей. См. А. Щапов, *Бурятская улусная родовая община*, — Известия Сибирского отдела Русского географического общества, т. V, № 3—4, Иркутск, 1875, стр. 137, 139 (экзогамия); М. Кроль, *Брачное право инородцев Селенгинского округа*, — Протокол годового собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского географического общества, № 1, 31 января 1895 г., стр. 67; *Брачные обряды и обычаи забайкальских бурят*, — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, т. XXV, № 1, Иркутск, 1894, стр. 82 (экзогамия), стр. 87 (левират, полигамия); М. Н. Хангалов, *Юридические обычаи у бурят*, — Этнографическое обозрение, кн. XXV, № 2, М., 1894, стр. 141 (экзогамия), стр. 138 (левират, полигамия); Б. Э. Петри, *Территориальное родство у северных бурят*, Иркутск, 1924, стр. 5 (агнатность); *Брачные нормы у северных бурят*, Иркутск, 1924, стр. 5 (экзогамия), стр. 13 («обменный брак»), стр. 14—15 (левират), стр. 16—17 (полигамия); А. А. Хараев, *Очерки обычного права укырских бурят*, — «Бурятоведческий сборник», вып. VI, Иркутск, 1930, стр. 35—36 (экзогамия, «обменный брак», левират); Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 46—47 (агнатность, экзогамия, левират),

В этих ответах А. В. Игумнова имеются также сведения по наследственному праву у бурят: «Наследное от отца или овдовевшей матери по смерти их имение, буде при жизни не было раздела, принадлежит одним сыновьям их по равной части, если они не пожелают жить вместе при целом оставшемся отца их имении. Дочери девки, а паче замужние не входят ни в какую часть наследства при родных братьях и матерях. Ибо осиротевшая девка долженствует быть выдана в замужество на щет будущего ее жениха-мужа»¹¹⁷.

Из сказанного видно, что А. В. Игумнов тщательно изучил и точно описал некоторые нормы бурятского обычного права, главным образом брачного, задолго до того, как этим вопросом стали заниматься специалисты-этнографы. В их работах получили подтверждение те наблюдения, которые были сделаны А. В. Игумновым впервые в истории русского монголоведения. В этой же работе А. В. Игумнов на основании тщательного изучения бурятских правовых обычаев установил два вида имущественных отношений при заключении брака.

1. Приведя подробное описание переговоров о заключении брака, А. В. Игумнов показывает, что при этом определяются имущественные интересы родственников обеих сторон — как жениха, так и невесты.

Отец невесты обязан при выдаче замуж дочери снабдить ее платьем, посудой, юртой и т. п.

Вместе с тем договариваются о количестве и видах скота, даваемого со стороны жениха. «И сей-то на исправление (экипировку) невесты [от жениха] получаемый скот прозван россиянами калымом...»¹¹⁸. При этом Игумнов сообщает интересные этнографические подробности обряда сватовства, «...который называется укинн гуйху, эрику — испрашивать, просить девицу»¹¹⁹. Любопытно также описание обряда разжигания огня в юрте молодоженов, связанного с шаманским культом огня¹²⁰.

2. А. В. Игумнов также обращает наше внимание на то, что «...кроме сего законного по их [мнению] брака... существует между монголами, а от них и у бурятвов обыкновение продавать своих малолетних дочерей девок тем из своих инородцев,

стр. 48, 173 (полигамия); «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», СПб., 1841 (далее — «Свод степных законов») («обменный брак», полигамия); сб. «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 239 (экзагамия, полигамия).

¹¹⁷ Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, ч. III, л. 420.

¹¹⁸ Там же, лл. 423—423 обор.

¹¹⁹ Там же, лл. 424—425 обор.

¹²⁰ Там же.

как воспитывая их употребляют между тем в домашние свои работы, а потом выдают в замужество уже за сговорный скот, или женят на них своих сыновей. Сие право отца существует и поныне как в самом Китае, так и в Монголии»¹²¹. «Но сию действительную продажу девок, — подчеркивает А. В. Игумнов, — не должно смешивать с законным по их [мнению] браком, изъясненным выше по сговорному скоту. Ибо и у наших бурятых сии два вида приобретения девок и жен между собою совершенно различаются. Но русские, смешивая оба сии приобретения в одинакие сделки, как сговорный скот, так и употребленный на действительную покупку дочери [у] отца, разумеют и называют общим словом **калым**, совершенно неправильно, хотя оно в русском переводе Монгольского уложения и употреблено вместо сговорного скота, как то означено в печатном же монгольском подлиннике»¹²².

В 1832 г. А. В. Игумновым по просьбе Сибирского комитета были составлены «Замечания на Проект степного уложения»¹²³.

В этой работе А. В. Игумнов проявил себя как большой знаток самых различных сторон жизни бурятского народа. «Замечания» А. В. Игумнова расположены в его работе в порядке разделов и статей «Проекта» и в такой же последовательности изложены ниже. В «Замечаниях», относящихся к брачному праву бурят, А. В. Игумнов придерживается высказанного им ранее мнения о том, что представлял собой «калым», и заявляет еще более решительно: «...нужно, кажется, взять в соображение, что так называемый калым не есть цена за девку, но вещь на снаряжение ее употребляемая»¹²⁴.

Переходя к вопросу о других видах имущества, связанных с заключением брака у бурят, А. В. Игумнов указывает, что «богачи дают нередко еще так называемое инчжи» — приданое, притом «...превосходящее цену сговорного скота», «...совершенно стличное от сего сговорного скота имение, так как и свадебные подарки...»¹²⁵.

Большой интерес представляет сообщение А. В. Игумнова о том, что, «кроме свадебных подарков, у бурятых и нерчинских тунгусов так называемые собственно подарки (бэлэк) бывают трех родов, а именно: 1-го рода скотом или рухлядью, 2) кур-

¹²¹ Там же, лл. 425 обор.—426.

¹²² «Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения», ксилограф, шифр 228А.

¹²³ Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, ч. III, лл. 358—407 (пагинация А. В. Игумнова, лл. 1—49); имеется копия «Замечаний», — там же, лл. 437—576 обор.

¹²⁴ Там же, л. 363.

¹²⁵ Там же, лл. 262 обор.—363.

гусу или по большей мере кургусуин бэлэк, 3) хозяином в доме его делаемые приезжему гостю подарки»¹²⁶.

Весьма интересно также «Замечание», относящееся к левирату: «Бываю случаи, что по бедности сына, лишившегося отца своего, женивались на мачехах, но сие обыкновение между южнобайкальскими инородцами уже прекращается как предосудительное, а остается еще у северобайкальских, как то у верхоленских и других им подобных совершенно полудиких племен»¹²⁷.

К вопросам брачного права бурят относятся также «Замечания» А. В. Игумнова «Об усыновлении», «О принятии на воспитание», «Об опеке». В разделе «Об имуществе инородцев» А. В. Игумнов указал на зависимость количества кочевков бурят в течение года от имущественного положения разных его слоев: «Кочевые инородцы имеют постоянные два стойбища, летнее и зимнее, или летник и зимник, а избыточнейшие из них еще вешник и осенник»¹²⁸.

Большого внимания заслуживают «Замечания» А. В. Игумнова к главе «О землях в частном владении находящихся», где А. В. Игумнов остановился на наболевшем в то время вопросе о получении арендной платы за землю вперед за несколько лет: «...часто отдают в наем и на 10 лет, взяв деньги наперед и оные истратив тогда же, а в достальные годы жалеют о долготе срока и опять между тем занимают вперед...»; вместе с тем приходилось «...брать в долг, то по нужде весною в съестных припасах, зимою перед тем потребленных, то на снаряды по звероловству, и потому берут в долг охотно с прибавлением от 30 до 40 процентов на настоящую наличную продажу»¹²⁹. Крайне тяжелое положение попавших в кабалу и рост задолженности народных масс отмечались А. В. Игумновым как всеобщее зло у бурят. Видя бедственное положение народа, А. В. Игумнов считал, что оно «...может умериться разве с изданием сего Степного уложения, если только будет поддерживать его начальство и особенно земское»¹³⁰.

Таким образом, А. В. Игумнов, как и многие другие представители прогрессивной русской интеллигенции того времени, считал, что улучшение положения народных масс возможно путем улучшения законодательства.

Большое внимание в «Замечаниях» уделено также вопросу о ламстве (в отделе V — «О взысканиях и наказаниях»). В осо-

¹²⁶ Там же, лл. 374 обор.—375.

¹²⁷ Там же, лл. 359 обор.—360.

¹²⁸ Там же, л. 365.

¹²⁹ Там же, л. 366.

¹³⁰ Там же.

бенности А. В. Игумнов возражал против превышения власти со стороны хамбо-ламы, главы буддийского духовенства в Забайкалье, и считал, что пора «положить конец беспримерному злоупотреблению»¹³¹, призывая к «соблюдению хоть некоторой благопристойности»¹³².

Как видно из сказанного, А. В. Игумнов рассматривал бурятское ламство как единое целое. Он не видел того, что ламство не является однородным по своему составу, подобно средневековому западноевропейскому духовенству, распадавшемуся, по определению Ф. Энгельса, «на два совершенно противоположных класса» — аристократию и плебейство¹³³.

Хотя меры, предложенные А. В. Игумновым, имели только ограничительный характер, следует признать, что его «Замечания» по ламскому вопросу явились значительным шагом вперед, особенно если сравнить их с «Проектом положения о ламах», составленным в 1832 г. П. Л. Шиллингом.

Следует также отметить, что меры по борьбе с ламством, которые иногда все же предпринимались местной администрацией, имели в виду содействие православному миссионерству. А. В. Игумнов же выступал против ламства в интересах народных масс. Именно их интересы А. В. Игумнов стремился защитить, предлагая разного рода меры борьбы, с тем «...что понаровка и послабление представить могут в пользу бурятского и тунгусского ламства против политики гражданственности и нравственности инородцев, окруженных и заstraшенных многочисленностью и доступностью к начальству могущественнейших из лам их...»¹³⁴.

В «Замечаниях» А. В. Игумнова к ч. VI «Проекта» («О судоустройстве и судопроизводстве») указывается на необходимость более точно, чем это сделано в «Проекте», определить слова «родственник» (бур. «турул») и «свойственник» (бур. «уруг»); кроме того, сообщаются подробные сведения о различных видах присяги шаманистов (на так называемом «Шаманском камне», «при заряженном ружье или простой пушке», «при обнаженной сабле» и т. п.). При этом указывается, что формы шаманской присяги имеются в делах Троицкосавского пограничного управления, а также прежних воеводских канцелярий¹³⁵.

¹³¹ Там же, л. 386.

¹³² Там же, лл. 385 обор.—386.

¹³³ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, М.—Л., 1930, стр. 120—121.

¹³⁴ Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, л. 387.

¹³⁵ Там же, лл. 402—403 обор.

Большие знания монгольского, бурятского быта и языка А. В. Игумнов проявил в подробных объяснениях слов «сурхарбаху», «бумхан», «обо», «зурган», «хурал» и других¹³⁶, а также в описании двух видов облавной охоты¹³⁷.

Некоторые из приведенных выше объяснений и замечаний А. В. Игумнова в сокращенном виде были помещены в новом Проекте Свода степных законов, представленном в Сибирский комитет в декабре 1836 г. и напечатанном в 1837 г.¹³⁸.

В основном те же объяснения А. В. Игумнова, подвергшиеся некоторой переработке, приведены в книге «Пояснительные примечания к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири»¹³⁹.

А. В. Игумнов проявил большой интерес к буддизму. Следует отметить, что монголоеды того времени уделяли вообще много внимания этому вопросу.

Об одной из работ А. В. Игумнова в этой области сообщает нам краткие сведения О. М. Ковалевский, который по инструкции попечителя Казанского учебного округа должен был озна-

¹³⁶ Там же, лл. 390 обор. — 392.

¹³⁷ Там же, лл. 292 обор.—393.

¹³⁸ Год издания в самой книге нигде не указан. Точные сведения об этом имеются: а) в заголовке — «Экземпляр Свода степных законов, составленных в 1836 г. и напечатанных в 1837 г.» — на переплете ед. хр. № 1216 по оп. 1, ф. 1264; б) в книге «Пояснительные примечания к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», ст. 1, «Обозрение исторических сведений о Своде степных законов»; на стр. 53, отмечено, что Свод (Проект) был напечатан в 1837 г. Экземпляр этого издания, являющегося библиографической редкостью, имеется в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Объяснения, замечания, пояснения и т. п. А. В. Игумнова даны к следующим параграфам Проекта: 1) § 9 (стр. 4); 2) § 14 (стр. 5); 3) § 115 (стр. 21); 4) § 171 (стр. 32); 5) § 187, примеч. 1, 2, 3, 4 (стр. 36—37); 6) § 250 (стр. 47); 7) § 272 (стр. 53); 8) § 387 (стр. 65); 9) § 350 (стр. 68); 10) § 408 (стр. 47).

Кроме того, объяснения, данные А. В. Игумновым, имеются в Приложениях к тому же проекту.

11) Приложение II. Объяснение к § 8 (стр. 104); 12) Там же, раздел II, объяснение 4 (к § 171), пп. 1, 2, 3 и 6, стр. 106—107; 13) там же, стр. 110; там же, стр. 111; 14) там же, объяснение 5 (к § 198), стр. 114; 15) там же, объяснение 6 (к § 208), стр. 114; 16) Приложение V. «Выписка из донесения бывшего иркутского губернского переводчика монголо-бурятского языка ст. сов. Игумнова по вопросу, на какой язык или наречие кочевых инородцев может быть переведен Свод степных законов». Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223.

¹³⁹ В самой книге «Пояснительные примечания...» год ее издания не указан; однако можно полагать, что она была издана в том же году, когда и самый «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» (1841).

комиться не только с монгольским языком, но и с основами буддизма¹⁴⁰. К сожалению, эта работа А. В. Игумнова до нас не дошла.

Кроме нее, О. М. Ковалевский называет еще две работы, относящиеся к той же области, — «Ответы на 37 вопросов, данных от бывшего Сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского забайкальских бурят и тунгусов главному ламе Банди [да] Хамбе» и «Ответы на 6 вопросов о Шаратском законе»¹⁴¹.

Ответы на вопросы М. М. Сперанского были обнаружены среди материалов, относящихся к А. В. Игумнову. Они озаглавлены «Ответы главного хамбы Данзан-Гавана Эшиджамцуева» на вопросы о догматах и обрядах ламаизма, сделанные 9 марта 1820 г.¹⁴². Вероятно, что перевод «Ответов на 6 вопросов о Шаратском законе», которого в архивных материалах не нашлось, также принадлежит А. В. Игумнову.

По мнению О. М. Ковалевского, эти работы А. В. Игумнова были очень важны и служили дополнением к научным трудам Палласа и Бергмана¹⁴³. О. М. Ковалевский даже переписал их для себя.

Если служебные обязанности А. В. Игумнова в отдельных случаях способствовали его более близкому общению с бурятским народом, то большей частью они неблагоприятно сказывались на его монголоведческих занятиях.

Неправильные объяснения А. В. Игумновым происхождения монгольного алфавита, данные им в статье «О происхождении письмен монгольских»¹⁴⁴, скорее всего объясняются и трудными условиями работы и его пристрастным отношением к монгольской культуре. В этой статье он старался доказать, что «...монгольские азбучные письмена все заняты из трех азбук, эллинской, латинской и славянской». Уже его современники отнеслись критически к этой работе. П. А. Слобцов выразил большие сомнения в правильности «замысловатого мнения г. Игумнова»¹⁴⁵. Гр. Спасский считал, что «производство его

¹⁴⁰ *Извлечения из дневных записок*, стр. 135.

¹⁴¹ Согласно объяснению О. М. Ковалевского «...Шаратским [от «шара, письм. шира» — «желтый»] называется Шигемонианский или Далай-Ламский закон» (*Извлечения из дневных записок*, стр. 135—136, 152).

¹⁴² Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 11, лл. 12—13 обор. Перевод этих ответов, выполненный А. В. Игумновым, датирован 26 апреля того же года.

¹⁴³ *Извлечения из дневных записок*, стр. 136; ср. W. Kotwicz, *Józef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, стр. 56.

¹⁴⁴ «Казанские известия», 1816, № 21, стр. 116—117. — Статья была помещена П. А. Слобцовым без подписи автора и в сокращенном виде (П. А. Слобцов, «Московский телеграф», 1828, ч. XXII, стр. 9).

¹⁴⁵ П. А. Слобцов, *Письма из Сибири*, — «Московский телеграф», 1828, ч. XXII, стр. 8.

не слишком исправно»¹⁴⁶. Ошибочность этого мнения А. В. Игумнова была отмечена также О. М. Ковалевским¹⁴⁷ и Н. Щукиным¹⁴⁸. Однако эти неправильные мнения А. В. Игумнова не могут умалить того, что им было сделано для монголоведения в течение его долгой, насыщенной трудом жизни.

Из сказанного можно видеть, что некоторые работы А. В. Игумнова до нас не дошли и известны только по упоминаниям о них. Местные условия, неблагоприятные для монголоведных занятий А. В. Игумнова, не способствовали также сохранению его научного наследия и самой памяти об А. В. Игумнове как монголоведе. Но своим современникам А. В. Игумнов и его обширные знания в различных областях монголоведения были хорошо известны и высоко ими оценены.

Еще в 1814 г. П. А. Словцов, совершавший обследование Иркутской губернии, был изумлен, «найдя в Верхнеудинске человека, преданного монгольской литературе и наукам... но одетого в сукно туземной фабрики и гонимого общим мнением»¹⁴⁹. К тому же времени относится запись П. А. Словцова о том, что он собирается «взять еще несколько монголоисторических уроков у г. Игумнова как единственного знатока, какого только Сибирь имеет по части маньчжурских и монгольских познаний...»¹⁵⁰. В дальнейшем П. А. Словцов неоднократно обращался к А. В. Игумнову с различными вопросами из области монголоведения¹⁵¹.

Е. Тимковский в своем известном описании путешествия в Китай привел различные сведения из работы «О нынешнем состоянии Монголии» А. В. Игумнова¹⁵².

В предисловии издателей к статье «Извлечение дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске по 15 число ноября 1828 года», также отмечаются заслуги А. В. Игумнова. Мнение О. М. Ковалевского о его учителе уже было приведено выше. Как отличный знаток монгольского языка А. В. Игумнов упомянут в трудах Н. И. Веселовского¹⁵³ и

¹⁴⁶ Г. Спасский, *О словесности у монголов и успехах разума*, — «Сибирский вестник», 1819, VI, стр. 66.

¹⁴⁷ *Извлечения из дневных записок*, стр. 140—141.

¹⁴⁸ Н. Щукин, стр. 93.

¹⁴⁹ Там же, стр. 91.

¹⁵⁰ «Московский телеграф», 1829, № 5, март, стр. 6.

¹⁵¹ П. А. Словцов, *Тень Чингис-хана*, — «Вестник Европы», 1822, № 17, стр. 47; *Вопросы иркутские*, — там же, № 18, стр. 148.

¹⁵² Е. Тимковский, *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*, СПб., 1824, ч. I—III.

¹⁵³ Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 90, 94.

В. В. Бартольда¹⁵⁴, а также С. К. Булича¹⁵⁵. Следует также привести мнение об А. В. Игумнове выдающегося польского востоковеда В. Л. Котвича, который считал, что план занятий Ковалевского «все же выкристаллизовался под наблюдением Игумнова, и с тех пор [Ковалевский] постоянно держал в поле зрения три главные темы — грамматику, собирание текстов и историю северного буддизма, которые поглотили первые годы его деятельности на новом поприще»¹⁵⁶. В. Котвич также писал: «Ему [О. М. Ковалевскому] посчастливилось, что в скромном сибирском переводчике он нашел не только прекрасного знатока монгольских племен, но и идейного человека, который вырос далеко за рамки своей практической профессии»¹⁵⁷.

Высокая оценка, данная В. Котвичем А. В. Игумнову, приобретает еще большее значение в связи с вновь обнаруженными работами А. В. Игумнова, относящимися к обычному праву, быту, религии и другим сторонам жизни бурят.

К сожалению, неизвестна дальнейшая судьба нескольких его работ — в особенности монгольско-русского словаря и грамматики, работ по буддизму и др. Весьма вероятно, что о некоторых его работах не сохранилось никаких сведений.

Остается невыясненным замечание Н. Щукина относительно того, что «...ученые труды ориенталиста попали в хорошие руки»¹⁵⁸. До настоящего времени в отношении трудов А. В. Игумнова еще не осуществилась та надежда, которую Н. Щукин выразил в следующих словах: «...публика скоро увидит их если не в целом, то по крайней мере в отрывках»¹⁵⁹. Поэтому необходимо продолжать поиски научного наследия А. В. Игумнова, которое, по всей вероятности, было значительным, в архивах, прежде всего Ленинграда, Иркутска и Улан-Удэ. Следует также продолжать изучение вновь обнаруженных архивных материалов и литературных данных для того, чтобы еще более полно и ясно представить жизнь и деятельность А. В. Игумнова, а также в полной мере оценить сделанный им вклад в русское монголоведение.

¹⁵⁴ В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 268.

¹⁵⁵ С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904, стр. 403.

¹⁵⁶ W. Kotwicz, *Józef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, str. 56.

¹⁵⁷ *Ibid.*, str. 56.

¹⁵⁸ Н. Щукин, стр. 94.

¹⁵⁹ Там же, стр. 96.